

некоторые неизвестны, и интуитивно следовать правильным путем по их взаимной зависимости.

Не смотря на всю сложность, какую представляет мышление, очень точно выразился Мераб Мамардашвили, когда сравнил мышление с радостью: “Мышление - это искусство, - говорит Мамардашвили. – По видимому не существует ни одного переживания или занятия искусства, которое не было бы связано с каким-то пронзительным радостным состоянием”.

В завершении, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что мышление не может представлять ничего иного, как радость, т.к. это познание себя, становление личности, внутреннее умиротворение, подлинное существование, и осмысленность жизни (ведь жизнь ценна только тогда, когда имеет смысл).

Артёмов Р.А., Гуринович С.В. Всегда ли мы мыслим?

Сознание есть единственный «посредник» между человеком и миром, «посредник», который не позволяет человеку сливаться с естественным мировым порядком, дистанцируя его. Поэтому философская мысль на всём протяжении своего развития именно сознание связывала с величием и достоинством человека. Обратимся к выразительному тексту Б.Паскаля: «Человек – всего лишь тростник, слабейшее творение природы, но он - тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не надо всей Вселенной: достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек всё равно возвышеннее, чем она, ибо сознаёт, что расстанется с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознаёт. Итак, всё наше достоинство – в способности мыслить» [1, с. 266].

Однако сознание представляет сложный сплав чувственных и рациональных компонентов, необходимого и случайного и т.д. Если сравнивать сознание с айсбергом, то о специальной, автономной его работе можно говорить только на его «вершине». Таким образом, вопрос, вынесенный в название, предполагает отрицательный ответ, а значит, требует различения двух режимов работы сознания: стихийного, или естественно складывающегося в процессе непосредственной человеческой жизнедеятельности, и автономного, имеющего собственные основания и правила.

Образно говоря, когда я мыслю – это значит «я знаю, как я мыслю», «я знаю, откуда во мне это знание», «я знаю, что знание достоверно». Именно мышление является результатом особого усилия сознания, обуславливает возможность человеку действовать целенаправленно и творчески. Разработка «технологии» мысли имеет богатую философскую традицию. Ещё Сократ практиковал иронию в качестве проверки суждений на их истинность. Платон полагал, что знание и мнение могут совпадать по содержанию, однако истинность последнего случайна. Посредством учения о бессмертии души и учении о припоминании философ искал объяснение характера обоснования истины. Согласно Платону, вечная душа, до переселения в человеческое тело, «знала» идеи Добра, Истины, Любви и т.п. Человеческое мышление есть «припоминание» прежних встреч с вечной истиной.

Методология рационального мышления становится специальным предметом философской рефлексии в эпоху Нового времени. Так, Ф.Бэкон предваряет свою работу по обоснованию индуктивного метода познания истины так называемой «разрушительной частью», в которой формулирует идолы, или признаки разума в качестве препятствий на пути к истине (идолы рода, пещеры, площади, театра). Р. Декарт предложил технику философского сомнения как условия «гигиены» мысли, доказывал, что мыслительные конструкции, или формы мысли, универсальны и объективны и сформулировал основные правила истинного мышления.

Однако философия конституирует мышление не только как гносеологический, но и как онтологический и антропологический феномен. Мышление «проявляет», «интерпретирует» такое онтологическое пространство, которое в философии М. Хайдеггера артикулировано в понятии «бытие», отличное от существования. Бытие, по М. Хайдеггеру, есть вечно проясняемое раскрытие присутствия, единство человека и вещи.

Мыслить для человека означает свидетельствовать о присутствии себя и другого в бытии, проявлять участность, ответственность. И напротив, стремление человека уютно устроиться в плену иллюзий, мнений, некритично воспринятой информации, идеологических штампов приводит к неподлинному существованию, безнравственности и, в конечном счёте к утрате «укоренённости» в бытии (выражение М. Хайдеггера). Добавим

созвучные размышления французского экзистенциалиста Г. Марселя. Он связывал понятие личности с сознательным и активным противопоставлением человека безличному и анонимному «Он». «Он» характеризуется как «немысль», «призрак мысли», находящийся вне человека, но проникает в него и выражает себя во мнениях, в поведении. Это «место бегства» человека от личной ответственности за выражениями типа «уверяют, что» и т.п. Личность, согласно Г. Марселю, возникает в результате усилий по разрушению анонимности и принятия на себя суждений обо всём.

Итак, мышление предполагает не только интеллектуальную работу над собой по овладению правилами мысли, но, что ещё более существенно, мужество выбрать мышление и ответственность за этот личностный акт.

В этой связи считаем нелишним напомнить, что ещё в 17 веке белорусский мыслитель Симеон Полоцкий рассматривал разумность и нравственность в тесном взаимодействии и взаимообусловленности. Отсюда «немыслие», или ошибки разума, философ называет грехами, выделяя семь подобных грехов.

Первый грех человеческого ума состоит в невежестве. Причины его кроются в нежелании учиться, в отсутствии условий для учёбы и настойчивости в преодолении трудностей.

Второй грех - в нерассудии (в необдуманности, в некритическом заимствовании знаний).

Третий грех - в скоросудии (в поспешных выводах).

Четвертый грех - в непостоянстве ума.

Пятый грех - в упрямстве (в нежелании признать свои взгляды ошибочными).

Шестой грех - в мудрствовании плоти (в направленности разума на удовлетворение телесных наслаждений, когда человек живёт не разумом, сердцем, а телом).

Седьмой грех - в желании узнать то, что меньше всего даёт человеку пользу.

С. Полоцкий отмечал, что интеллектуальные способности совершенствуются в процессе полезной практической деятельности и учёбы. Поэтому для познания огромное значение имеют как добрые дела, так и книжное слово. Как и для любого ученого, целью познания является истина. Саму истину он рассматривает с

гносеологической, семантической и нравственно-праксиологической (практической) стороны. С гносеологической - истина понимается как мыслительное отражение, адекватное отражаемому. С семантической - когда значение слова наиболее точно воспроизводит сам предмет или явление. И с нравственно - праксиологической - если дела человеческие совпадают с моральными законами [2, с. 164].

В современных реалиях мировое сообщество находится под дамокловым мечом глобальных проблем, поэтому необходимость мыслить ответственно становится ещё и практически - насущной потребностью, условием выживания будущих поколений.

Литература

1. Размышления и афоризмы французских моралистов 17-18 в.в. – Л., 1987.
2. Козел, А.А. Философская мысль Беларуси / А.А. Козел. – Минск, 2004.

Ботько Е.Н., Гуринович С.В. Православные ценности в современном социальном контексте

Традиционные православные ценности сформировались в рамках средневековой христианской этики. В отличие от античной, средневековая мораль ищет основания в Боге как высшем моральном Абсолюте. Бог, таким образом, трактуется в качестве Высшего Блага, очерчивающего границы Добра и Зла, а также в качестве источника Морального закона.

Основным моделирующим текстом в христианской религии выступает Священное писание. Христианские добродетели изложены в «Декалоге» (10 заповедей Моисея), в Нагорной проповеди Христа, притчах Соломона и т.п.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть культурную преемственность в понимании основного морального императива, получившего в этике наименование «золотого правила нравственности». Ещё древнекитайский мудрец Конфуций учил, что в основе нравственности лежит добровольное самоограничение человеческих деяний. Поэтому сформулировал следующее правило: «Не делайте другим того, чего себе не пожелаете». Евангелие от